Горы Тир-Торчайр

Геральт покосился на сидевшую рядом старуху.

«Я встретил Владычицу Озера», — прохрипел он. «Я почти уверен, что ты не она».

Улыбка женщины исчезла. — Нет? Ну, так ты меня назвал, когда я вытащил тебя из воды. Затем она нахмурилась. «Ха, это разочаровывает. Мне вроде как понравилось это имя. «Моя Леди» — в нем есть определенное… элегантное достоинство, тебе не кажется?»

Ведьмак уставился на женщину, нахмурив брови. «Ты дал мне зелье, чтобы замутить мой мозг, или ты просто сошел с ума?»

Ее улыбка вернулась. «Сумасшедшая, как лиса».

«Это не поговорка. Это лукаво… знаешь что – неважно».

С легким кряхтением Геральт поднял туловище вверх и оперся на локоть. Он не был уверен, может ли он доверять своему разуму в тот момент. Его воспоминания за последние несколько дней, включая разговоры с Гюнтером О'Диммом и Иви, казались немного туманными. Он полагал, что это произошло из-за бреда, вызванного инфекцией. То, что было реальностью, и то, что было сном или видением, казалось, слилось воедино. Однако, когда он посмотрел на свое тело, покрытое одеялом, он увидел, что одеяло там, где находится его нижняя правая нога, должно лежать на матрасе. Напоминание о том, что ему ампутировали ногу, казалось, внезапно вернуло его сознание в фокус, и он стиснул челюсти, слегка кивнув головой.

«Вы сказали, что вытащили меня из воды. Со мной был труп моей жены. Пожалуйста, скажите мне, что вы схватили и ее тоже».

Женщина слегка нахмурилась. «Хорошо, я скажу тебе, что я это сделал».

Геральт вздохнул. Он уже мог сказать, что слишком долгий разговор с этой женщиной вызовет головную боль.

«Вы схватили или не схватили труп моей жены?»

«Да, я это сделала. Иви на том столе», — сказала женщина, указывая на другой конец комнаты. «Но я не знал, что она твоя жена. Мне ужасно жаль».

«Подожди, откуда ты знаешь ее имя?»

Женщина пожала плечами. «Я просто предположил. Ее имя — чуть ли не единственное, что ты сказал за последние три дня. Когда ты не стонал во сне, ты бормотал ее имя. Итак, я сложил два и два. Как я уже сказал , я умный как чорт."

Ведьмак лишь покачал головой и посмотрел туда, куда она только что указала. Он увидел то, что, по его мнению, было Иви, но она больше не была завернута в ткань палатки, которую он использовал раньше, на горе. Она была покрыта другим материалом и выглядела так, будто ее профессионально перевязали веревкой. Затем он снова посмотрел на женщину.

"Что ты сделал?"

«Ну, без обид, но она промокла насквозь и начала пахнуть. Как женщина, я могу вам сказать – ей это, наверное, не понравилось. Итак, я раздел ее догола, вытер начисто, намазал каким-то

консервирующим раствором. , и снова плотно завернул ее в какой-то толстый материал, который я считал водонепроницаемым. Не волнуйтесь, я был с ней нежен».

Ведьмак долго смотрел на странную женщину перед ним.

«Спасибо», — сказал он наконец, глядя женщине в глаза и слегка кивнув головой. «Ты травник или алхимик?» — спросил он, выдвигая туловище еще выше, чтобы можно было прислониться спиной к стене.

«О, я почерпнул что-то тут и там. В моем возрасте я баловался всем понемногу. Я просто рад, что могу быть полезен. Но скажи мне – как ты себя чувствуешь?»

Ведьмак на мгновение замолчал, словно прислушиваясь к своему телу. Наконец он кивнул головой.

«На самом деле неплохо», — ответил он. «Моя культя все еще болит, но она не горит, как раньше. И мой разум кажется ясным».

«Ну, я буду судить об этом».

Затем она наклонилась вперед и, прежде чем ведьмак успел возразить, быстро провела языком по его лбу.

«Леди, какого черта вы делаете?» — спросил ведьмак, вытирая слюну.

Старуха улыбнулась. «Вот и снова называешь меня «Леди». И ты права – твоя инфекция ушла. Мой язык никогда не лжет».

Геральт, приподняв одну бровь, посмотрел на ухмыляющуюся женщину.

«Твой язык никогда не лжет?»

Затем ему в голову пришла мысль. Он поднял простыни и увидел, что под ними он совершенно голый.

«Знаешь что – я даже не хочу знать, как ты меня исцелил. Позвольте мне просто сказать «спасибо» и оставить все как есть».

Старуха подмигнула ведьмаку. «Ты мудрый человек, Уайтилокс».

ooo

Геральт сидел за маленьким столиком и пожирал вторую тарелку дымящегося горячего супа. Пока он ел, он то и дело поглядывал на старуху, сидевшую в другом конце комнаты на одинокой кровати. Было уже далеко после захода солнца, поэтому в хижине было довольно темно. Лишь пламя очага давало свет. Она что-то бормотала про себя, усердно работая над чем-то, похожим на две толстые ветки дерева.

«Грейси, что ты здесь делаешь – живешь в горах одна?» он спросил.

Ранее он наконец убедил ее назвать ему свое настоящее имя, чтобы ему не приходилось называть ее «миледи». Она сказала ему, что родилась Грасиеллой, но никто никогда не называл ее так, кроме ее родителей – давно умерших.

«Я не одна. У меня есть Колючий Пит. Он отличная компания», — ответила она, имея в виду своего осла.

Ведьмак слегка кивнул головой.

«Достаточно справедливо. Я провел половину своей жизни, разговаривая со своей лошадью, но это все еще не отвечает на мой вопрос… что ты делаешь здесь, так далеко от человеческой цивилизации?»

При этом руки Грейси перестали двигаться, и она посмотрела на Геральта. Впервые с момента встречи с ней он увидел легкую грусть в ее глазах.

«По какой-то причине мне казалось, что я никогда не вписываюсь туда».

Геральт кивнул и стал ждать, ожидая, что она скажет что-нибудь еще, но она ничего не сказала. Она просто смотрела на него долгое время, пока он наконец не кивнул. Затем она вернулась к работе над двумя ветками, а он вернулся к супу.

Через несколько минут она весело объявила: «Тада! Все готово!»

— С чем закончили?

«С вашим подарком, мистер Грампипантс.

"Мой подарок?"

«Да. Я работаю над ними уже три дня – с тех пор, как вытащил тебя из воды. Что ты думаешь?»

Затем она держала куски дерева перед собой, ставя их на концы. К вершине каждой прямой ветки высотой пять футов был прикреплен гораздо более короткий перпендикулярный кусок, плотно обернутый толстой тканью.

Ведьмак ничего не сказал. Он просто смотрел на куски дерева с небольшим выражением отвращения на лице.

«Это костыли!» заметила Грейси с широкой улыбкой.

Ведьмак перевел взгляд на старуху. «Да, я знаю, что они такое».

«Ха. Ты, кажется, не доволен. Тебе не нравится дерево, которое я выбрал?»

Геральт вздохнул. «Дерево хорошее. Послушай… Я благодарен, но… ведьмаки не должны заканчивать так».

"Как что?"

— Калека, — сказал он, и в его голосе сквозило презрение. «Ведьмаки должны умереть на Пути, а не стать… инвалидами. Мне пришлось с самого начала смириться с тем фактом, что я, вероятно, умру молодым, но… никогда с этим. Я имею в виду, кто когда-либо слышал о ведьмак на костылях?"

Грейси пожала плечами. «Должно быть». Я никогда не был фанатом делать то, что должен был делать, и это хорошо, поскольку жизнь все равно редко складывается так, как должна . Может быть, это означает, что ты больше не должен быть ведьмаком».

Геральт посмотрел в ее добрые глаза. Немного погодя он слегка кивнул головой и снова посмотрел на костыли в ее руке.

«Да. Но что это значит для меня тогда?» — прошептал он себе.

ooo

Геральт стоял на коленях в темноте с открытыми глазами и расширенными зрачками. Он мельком взглянул на Грейси, которая громко храпела на единственной кровати в каюте, а затем уставился на костыли, прислоненные к столу рядом с ним. Предыдущий час он провел, пытаясь медитировать, но безуспешно. Он надеялся, что, если ему удастся вернуться в беспокойное состояние, он получит еще одно видение от Иви. Ему так хотелось увидеть ее и снова поговорить с ней – пусть даже это было только в его мыслях.

Ему также хотелось бы получить какое-нибудь послание от Эссеи, но, несмотря на его попытки медитации, никакого видения и никакого сообщения так и не пришло. На самом деле, у него вообще были проблемы с медитацией, потому что он просто не мог успокоить свой разум. С тех пор, как тем утром он вышел из трехдневной комы, в его голове крутились эмоционально заряженные мысли: сожаления о своих действиях в пещере; путаница в отношении окончательных планов Эссеи; мысли о Баркейне и его предательстве; беспокойство о безопасности Лидиала; и что он будет делать, если когда-нибудь снова встретится с Малеком. Но, пожалуй, самой заметной мыслью было его сомнение – сомнение в том, как он на самом деле собирается сделать то, что ему нужно, с отсутствующей ногой.

Наконец, бросив быстрый взгляд в сторону Грейси, он встал на свою единственную здоровую ногу и – с выражением презрения на лице – потянулся к костылям, стараясь не производить шума, ударяя ими друг о друга или о стол. . Меньше всего ему хотелось, чтобы она проснулась и увидела, как он возится с этими чертовыми вещами.

Он осторожно положил костыли под мышки, а затем наклонился и схватил каждый стержень. Он поставил концы обоих костылей на пару футов перед собой, а затем толкнул вперед левую ногу. Его тело качнулось вперед, пока левая нога не коснулась твердого грязного пола хижины. Как можно тише он начал ходить вокруг маленького стола. Вернувшись в исходное положение, он кивнул головой. Похоже, Грейси проделала отличную работу, собрав достаточно прочные ветки, чтобы выдержать его вес. Он не почувствовал и даже не услышал какого-либо значительного напряжения на дереве.

Он подошел к входной двери каюты и открыл ее как можно тише. Он знал, что ему нужно еще немного попрактиковаться с костылями, поскольку маневрирование с ними все еще казалось невероятно неудобным. Он вышел во двор хижины и начал экспериментировать с костылями под полной луной. Он проверял, как лучше всего держать костыли, насколько далеко от себя он мог их разместить и насколько быстро он мог двигаться с ними по прямой. Десять минут спустя он положил костыль под правую руку, прислонив его к ближайшему дереву, вытащил стальной меч и начал размахивать лезвием правой рукой, все время держа костыль под левой рукой. Несмотря на свою невероятную ловкость, ведьмак несколько раз терял равновесие, тихо ругаясь каждый раз, когда падал на землю. Примерно через полчаса мышцы всего его тела, особенно левой ноги, горели как огонь, поэтому он остановился и отдохнул, стоя на коленях в траве.

«Как, черт возьми , я смогу пересечь континент на этих штуках?» — спросил он себя, остывая под лунным светом.

— Думаю, очень медленно, — раздался позади него голос Грейси.

Он был так сосредоточен на тренировках с костылями, что даже не заметил, что она перестала храпеть или что она стоит в дверном проеме.

Он повернулся на колени к ней лицом.

— Прости, если я тебя разбудил.

«Ты этого не сделал. Я просто почувствовал, что тебе нужна компания».

Ведьмак покачал головой. "Это так?"

Она кивнула. «Я видел, как ты размахивал мечом».

«Да», сказал он со вздохом. «Я примерно такой же опытный, как пьяный семилетний ребенок».

«Правда? Теперь ты просто глуп. Ты прекрасно знаешь, что семилетний ребенок не сможет даже поднять меч такого размера. Он был бы слишком маленьким».

— Верно, — сказал ведьмак с ухмылкой. Затем он посмотрел на маленькую старуху.

«Кстати, «слишком мало», — сказал он. «Я не спрашивал тебя, но как такая маленькая женщина, как ты, вытащила меня из этого озера. Особенно в моих доспехах и с мечами за спиной. Как это вообще было возможно? »

Грейси улыбнулась. «Это тайна, не так ли?»

«Это так. Хотите просветить меня?»

Она долго ничего не говорила, просто смотрела на ведьмака. Наконец она заговорила.

— Ты веришь в чудеса, Геральт?

«Может быть. Думаю, это зависит от того, как ты понимаешь слово «чудо».

«Просто. Событие, которое не могут объяснить ни законы природы, ни законы магии».

Геральт тут же вспомнил несколько прошлых ночей, маленькую светящуюся бабочку, которая пролетела сквозь грозу и приземлилась ему на руку. Затем он кивнул головой.

«Да… думаю, да».

«Я тоже. Мне хотелось бы думать, что, возможно, есть сила, более могущественная, чем мы. И, может быть, просто возможно, время от времени она врывается в наш мир – именно тогда, когда нам это нужно больше всего».

— И ты думаешь, именно это произошло в озере?

— У тебя есть лучшее объяснение?

«Думаю, нет», — ответил он, покачав головой. Затем на его лице появилась легкая улыбка. «Хотя это не объясняет, почему ты вообще оказался посреди озера — голый ».

«Ты, нахальный ублюдок, ты это видел, да? Ну, я, очевидно, рыбачил».

Геральт нахмурил бровь. «Рыбалка? Почему ты раздеваешься, чтобы ловить рыбу?»

«Кто сказал что-нибудь о том, чтобы их поймать? Мне просто нравится с ними разговаривать».

«Это то, что вы называете «рыбалкой» – разговаривать с ними?»

Она ответила кивком и улыбкой.

Ведьмак, нахмурив бровь, уставился на него. «Хорошо, но это все равно не объясняет, почему ты был голым».

«Что? Ты думаешь, имеет смысл прыгнуть в озеро полностью одетой? И люди называют меня сумасшедшей», — сказала она, покачивая головой.

ooo

«Грейси, я не могу позволить тебе сделать это», — сказал Геральт.

Он стоял на костылях в дверях ее маленькой хижины, пока она была во дворе. Рядом с ней находился оседланный осел, а к нему были прикреплены носилки с трупом Иви.

«И я не позволю тебе говорить мне, что я могу или не могу делать», - ответила она с улыбкой.

«Хорошо. Достаточно справедливо. В таком случае я не приму это».

«Да, ты примешь. Ты принял костыли, и ты примешь Колючего Пита. Что еще ты собираешься делать – передвигаться с Иви через весь континент? Даже ты не такой уж упрямый».

"Я мог бы быть."

Грейси рассмеялась. «Геральт, я могу сказать, что ты человек, который не любит просить о помощи. Думаешь, это признак слабости, да? Черт возьми, я думаю, тебе, вероятно, никогда даже не приходилось просить о помощи в прошлом . Но тебе действительно нужна помощь сейчас. Так что, пожалуйста, не будь слишком упрямым и гордым, чтобы принять ее. Кроме того, помогая тебе, я снова почувствовал себя полезным. Ты ведь не стал бы лишать старуху чувства полезности, не так ли? "

— Ладно, — сказал он со вздохом. «Но я тебе заплачу. Ты не можешь просто так отдать своего единственного осла».

Грейси снова рассмеялась. «Чем заплатите мне? Все, что у вас есть, либо уплыло по реке, либо было на спине вашего верблюда, а он, вероятно, уже на полпути к Зеррикании».

Геральт стиснул челюсти и снова вздохнул. Затем, спустя мгновение, он обнажил из-за спины свой серебряный меч.

«Тогда я заплачу тебе этим», — ответил он, когда солнечный свет раннего утра отражался от серебряного лезвия. «Вы могли бы продать его и купить дюжину ослов».

Грейси склонила голову к Геральту и странно посмотрела на него. — Ты собираешься отдать мне свой серебряный меч?

Геральт пожал плечами. — Почему бы и нет? Мне это больше не нужно. Мои ведьмачьи дни прошли, — сказал он, глядя ей прямо в глаза.

Старуха несколько долгих молчаливых мгновений смотрела на Геральта. Наконец она покачала головой и заговорила.

«Может быть и так, но впереди у тебя еще долгий путь. Дорога, скорее всего, наполнена всякими противными жуткими ползунами, и я не спас тебя от утопления только для того, чтобы ты мог уйти и погибнуть». мимо... парочки утопленников. Разве это не ирония? Так что нет, я не возьму твой меч, Геральт, - закончила она.

«Черт возьми, почему каждая женщина, которую я встречаю, такая чертовски упрямая?»

Грейси улыбнулась. «Думаю, мне просто повезло. Слушай, если ты хочешь вернуть мне деньги, я тебе позволю. Но… у меня на уме определённый платеж».

«Кажется, я боюсь спрашивать».

«Все просто. Следующий человек, которого ты встретишь и которому понадобится помощь, просто помоги ему. Это единственная плата, которую я хочу от тебя. Вот и все. Это темный и злой мир, Геральт. Мне не нужно тебе говорить, не так ли? Итак, давайте просто сделаем все возможное, чтобы дать отпор тьме, проявив немного доброты. Что вы скажете?»

Ведьмак кивнул, а затем вздохнул. «Хорошо. Я могу это сделать… но в конечном итоге это укусит меня за задницу. Я просто знаю это. Так всегда бывает».

"Я точно знаю?" — сказала Грейси со смехом. «Забота о других всегда нам чего-то стоит, не так ли? Спасение тебя стоило мне моего осла». Затем ее глаза расширились, и она снова засмеялась. «Моя задница. Помощь тебе буквально стоила мне моей задницы».

На лице Геральта наконец появилась легкая улыбка, когда он покачал головой в сторону сумасшедшей женщины.

ooo

Грейси что-то напевала себе под нос, перемещаясь по своей маленькой каюте, убирая флаконы и контейнеры с различными алхимическими ингредиентами, которые она использовала для лечения ведьмачьих ран за последние четыре дня. Она видела, как он ускакал всего полчаса назад, и воспоминание о том, как она видела его на вершине крошечного осла, его левый ботинок почти касался земли, вызвало улыбку на ее лице. Несмотря на ее склонность говорить все, что у нее на уме, на самом деле в тот момент она решила держать свои мысли при себе. Он должен был знать, что выглядит немного глупо на маленьком ослике. Ему не нужно было, чтобы она ему говорила. Каким бы эго ни обладал этот мужчина, она знала, что за последнюю неделю ему было нанесено несколько разрушительных ударов, и она задавалась вопросом, как все это может изменить его. Она также задавалась вопросом, какое будущее ждет этого человека, потому что он сказал ей, куда направляется, и мысль об этом заставляла ее нервничать.

От размышлений Грейси внезапно прервал стук в входную дверь. Она подошла и открыла его, на ее лице отразилось смятение, когда она увидела Геральта, стоящего на костылях.

— Ты что-то забыл?

Он кивнул. «Я так и сделал. Я спускался с горы минут десять, когда почувствовал, что мое сердце сжалось – как будто оно было в хватке каменного тролля, и я понял, что мне нужно вернуться».

«Ну, это вызывает беспокойство. Лучше разденься и вернись в постель. Мне нужно будет прислушаться к твоему сердцу и провести полный осмотр».

Геральт покачал головой. «Нет… его не буквально сжали. Просто – я не знаю – осудили. Ты был просто добр ко мне, и я почти ушел отсюда, не… не сказав тебе».

«Рассказывать мне что?»

Ведьмак на мгновение остановился, на его лице появилось выражение явной неловкости. Наконец он вздохнул и заговорил.

«Сила – сила, которая, по вашему мнению, творит чудеса – думаю, я знаю, кто это».

"Ты?" — спросила она, ее улыбка дошла до глаз.

Ведьмак кивнул. «Его зовут Эссеа, и я не смог бы жить сам с собой, если бы уехал отсюда, так и не рассказав тебе о нем».

«Тогда тебе лучше войти», — сказала она, толкая дверь до упора. «Ты уже несешь на своих плечах бремя мира. Любое еще одно чувство вины может просто разорвать тебя на две части».

ooo

Монтекальво

«О'Димм!»

Филиппа Эйльхарт – наверное, уже в сотый раз – испустила полный ярости крик. Она пристально посмотрела на свой торс и нижнюю часть тела, и ее ярость усилилась. Она посмотрела на потолок своего кабинета, а затем лихорадочно помотала головой и глазами из стороны в сторону.

«Я требую, чтобы ты предстал передо мной… ты, лысый, лживый… маленький обманщик! Я раздавлю тебя, как червяка, которым ты и являешься!»

Колдунья выкрикивала одни и те же оскорбления и угрозы уже больше недели, но безрезультатно. О'Димм еще не прислушался к ее призыву.

— Ну-ну, — услышала она голос позади себя. «Кто-то немного в ярости».

Филиппа тут же обернулась, и если бы взгляды могли убивать, Человек из Стекла был бы мертв по прибытии.

«Посмотри на меня! Посмотри, что ты натворил!» она закричала. «Я покажу тебе 'насмешку'».

В мгновение ока она произнесла заклинание и вскинула руки вперед в направлении О'Димма. Красная волна энергии вырвалась из ее ладоней, но на полпути к намеченной цели О'Димм щелкнул пальцами, и смертоносная Сила остановилась в воздухе, как будто замороженная. Не только заклинание волшебницы было обездвижено, но и сама Эйльхарт.

О'Димм уклонился от смертоносной волны Хаоса перед собой и приблизился к Филиппе. Он снова щелкнул пальцами, и внезапно ее взгляд метнулся к нему. Когда он улыбнулся ей, ее глаза сверкали еще сильнее.

«Мне так не хочется поступать так с вами, мисс Эйльхарт, но вы, похоже, не в том состоянии, когда возможен спокойный, рациональный диалог».

Затем он пододвинул стул и медленно сел, небрежно закинув одну ногу на другую.

«Теперь… кажется, ты веришь, что я нарушил наш контракт, но я могу заверить тебя – я никогда этого не делал», - сказал он, вытягивая шею, чтобы посмотреть на лицо волшебницы.

Затем Торговец Зеркалами потянулся за спину и вытащил свиток, который затем чудесным образом развернулся и повис прямо рядом с ним.

«Давай посмотрим… твои точные слова были… ах, вот мы и здесь: «Позволь мне жить, и пусть мир признает мою силу и боится меня, как следует». Между вашими просьбами прозвучало несколько умирающих вздохов, но я не видел смысла добавлять их, — сказал он с еще одной широкой улыбкой.

Свиток тотчас же туго свернулся, и он убрал его.

- Итак, мисс Эйльхарт, как видите, я выполнил свою часть нашего контракта, и, надо сказать, поистине чудесным образом. Вы потребовали, чтобы я посмотрел на вас. Действительно - просто посмотрите на вас. Какая чудесная существо, которым ты являешься. Ты хотел жить… ну, я осмелюсь сказать, что у тебя больше жизненной силы и силы, чем ты когда-либо имел. И насколько мир боялся тебя так, как должен…» Затем О'Димм засмеялся. «…тебе больше никогда не придется об этом беспокоиться».

Затем он скрестил руки перед собой.

«Конечно, я всегда старался быть разумным торговцем. Всегда давай покупателям то, что они хотят, говорю я. Надо, чтобы они были довольны. Так что, если тебя не устраивает то, как я исполнял твои желания, просто скажи: скажи слово, и я верну тебя в то самое состояние, в котором я тебя нашел – всего в мгновении от смерти в той грязной, пустой каюте». Затем улыбка исчезла с его лица. «Но не заблуждайтесь, мисс Эйльхарт: вы выполните свою часть контракта независимо от того, что вы выберете».

Темные глаза О'Димма долго смотрели прямо в глаза ведьмы, а затем, наконец, он снова улыбнулся.

— Итак, что вы скажете, мисс Эйльхарт? — спросил он, щелкнув пальцами.

Хотя тело Филиппы оставалось неподвижным, она внезапно смогла воспользоваться своим ртом. Она пристально посмотрела на О'Димма, мышцы ее челюстей напряглись. В конце концов она заговорила.

«Учитывая два варианта, очевидно, что я предпочитаю оставаться в этом состоянии», — сказала она спокойным, размеренным, но ядовитым тоном.

«Ах, я знал, что ты будешь разумным», — сказал он с улыбкой. «И, честно говоря, учитывая, что ты полиморф, я не уверен, что тебя так расстраивает. Ты должен привыкнуть жить в нечеловеческих формах. Плюс, просто подумай обо всех дополнительных преимуществах твоего… нового Ты хоть пробовал общаться со своими новыми собратьями?

Нахмуренный взгляд Филиппы сменился легким замешательством.

«Нет. Нет, не видел. Мне это даже в голову не пришло».

«Ну, попробуй. Возможно, ты будешь приятно удивлен», — сказал О'Димм. «Со временем вы увидите, что я лучший друг, которого вы когда-либо могли иметь. Я не просто даю людям то, что они хотят. Это слишком просто. Их желания слишком малы. Вы хотите власти и контроля, мисс Эйлхарт? Ну, ни у кого нет больше, чем у меня».

Внезапно волшебница посмотрела на О'Димма другими глазами и почти незаметно кивнула головой.

«И чтобы показать тебе, что здесь нет обид – как насчет того, чтобы я сказал тебе, где можно найти некоего Радовида Пятого, короля Редании? У тебя есть с ним небольшие счеты, не так ли?»

Впервые за несколько недель на лице Филиппы появилась улыбка.

"Конечно, знаю."

ooo

Священный город Эн Сейдхе; 98 лет после соединения

Маккаррег остановился у подножия холма и посмотрел вверх. Несмотря на то, что была середина ночи, света было достаточно, чтобы он мог видеть силуэт своего старшего брата на вершине холма, стоящего на коленях у подножия свежей могилы отца.

Младший брат рано вечером лег спать в полном изнеможении. Наблюдение за ухудшением здоровья его отца в последние несколько месяцев было самым трудным и эмоционально болезненным опытом, который он когда-либо пережил, но, учитывая, что Гайнеамх также был единственным пророком и жрецом Эн Сейдхе за последнюю тысячу лет, это были тяжелые времена и для нации в целом. Когда здоровье Гайнеама начало ухудшаться, начались многочисленные дискуссии – как внутри города, так и за его пределами – о том, кто станет его преемником. Маккаррегу казалось, что половина семей в Священном городе выдвинула кандидата на роль национального посредника в отношениях с Эссеей.

Но именно лидеры трех других городов-государств на юге наиболее громко выражали свое желание управлять эльфийской нацией. Все эти дебаты происходили, несмотря на указ Гайнема о том, что его старший сын Тайбсир станет его преемником в роли пророка и священника. В конце концов, чтобы успокоить все стороны, было решено, что решение будет принимать сам Эссеа. Всего неделю назад был брошен жребий, и, как и постановил его отец, жребий выпал Тайбсару.

Весь этот спорный спор, казалось, лишил Гайнеама последних остатков жизни, поскольку вскоре он умер, и в течение нескольких дней после этого два брата оказались в центре бури активности. Учитывая статус их отца, частного семейного захоронения тела было бы недостаточно. Публичные похороны были также предложены тысячам жителей Аэн Сейдхе, которые хотели выразить свое почтение. Конечно, прежде чем это могло произойти, должны были состояться другие официальные церемонии – в частности, помазание Тайбсара в качестве последнего пророка, жреца и судьи эльфийской нации.

Старший брат Маккаррега, казалось, справлялся со всей этой пышностью и пышностью лучше, чем он. Младший брат не был из тех, кто наслаждался политикой и церемониями, типичными для священства. Он был военным эльфом — кадровым солдатом, который, хотя и был

достаточно искусен в уме и языке, но еще лучше владел клинком. И теперь казалось, что он наконец-то получит шанс использовать этот навык.

Хотя Маккаррег, возможно, пошел спать и физически, и эмоционально истощенным, но, стоя у подножия холма, он чувствовал себя более живым, чем когда-либо за последние годы, и целеустремленно пошел вверх, к своему брату. Когда он поднялся, его разум воспроизвел разговор, который он вел со своим отцом. Это был разговор, который они вели несколько сотен раз за последнее столетие.

Со времени соединения Сфер разрушительная гражданская война шла между восемью городами-государствами Эн Сейдхе в северной части континента, и не было никакой тайны относительно причины войны. Тот, кто владел Мечом Разрушения – именем, данным оружию Апофиса несколько десятилетий назад – имел необъяснимое желание убить соседних эльфов. Много раз владелец Меча даже обращался против своего города-государства, убивая сотни и тысячи своих солдат и граждан. И не имело значения, насколько миролюбивым был эльф до того, как взял в руки клинок. Как только Меч попал в его руки, в его голове внезапно не было ничего, кроме смерти и разрушения – отсюда и произошло название оружия.

Эльфы юга без сомнения знали, что Меч одержим какой-то злой силой. Как именно эта сила повлияла на «владельца» Меча, Маккаррег не знал, но нельзя было отрицать, что она изменила своего владельца физически, умственно и эмоционально. За последние сто лет, чаще всего, мастера Меча становились настолько психически неуравновешенными, что совершали самоубийство, прежде чем были фактически побеждены внешним врагом. Затем Меч подхватит другой эльф, и война просто продолжится, только кто-то новый возглавит бойню. На протяжении десятилетий Маккарег регулярно просил своего отца Гайнема разрешения отправиться на север, чтобы захватить Меч Разрушения и уничтожить его раз и навсегда.

«Это рука Эссеи», — всегда был ответ Гайнема. «Они все пожинают то, что посеяли. Наш Господь наказывает северных Эн Сейдхе за то, что они отвернулись от него. Он очищает их от тех, кто поклоняется ложным богам».

«Может быть, и так, отец, — всегда отвечал Маккарег, — но чистка почти завершена. На севере почти не осталось Эн Сейдхе, и, в конце концов, тот, у кого есть Меч, направится к нам на юг. их нужно остановить прежде, чем они доберутся сюда».

«Может быть и так, сын мой, но это придется сделать во времена Эссеи. Я неоднократно спрашивал его воли по этому вопросу, и он до сих пор ни разу не дал своего благословения на миссию, которую ты ищешь. Маккарег, Вы - эльф действия, поэтому я знаю, что это вас расстраивает, но, пожалуйста, прислушайтесь к моему предупреждению. Если вы пойдете против воли нашего Бога, вы потерпите неудачу. Потому что нет ни мудрости, ни проницательности, ни стратегии, которая могла бы добиться успеха. против суверенного плана Господа. Но если вы будете ждать Его времени, если вы будете следовать Его воле, тогда ничто не сможет остановить вас, ибо цель Бога всегда преобладает».

Эти слова отца были в его голове, когда Маккаррег достиг вершины небольшого холма, находившегося за пределами городских стен. Он на мгновение остановился, чтобы посмотреть на спину своего брата, все еще стоящего на коленях возле могилы их отца.

«Я знал, что ты будешь здесь», сказал он, подходя ближе к своему брату и сестре.

«И я знал, что ты придешь», — парировал Тайбсир. «Дай угадаю, теперь, когда Отец мертв, ты хочешь, чтобы мое благословение пошло на север».

Затем он повернулся и встал лицом к Маккаррегу.

«Да... и нет», — ответил солдат. «Как мой земной лидер, я хотел бы получить твое благословение. Как бы трудно мне ни было подчиниться власти моего старшего брата, я всегда сделаю для этого все возможное».

Тайбсир улыбнулся и кивнул. "Однако?" он спросил.

«Однако есть более высокая власть, чем ты. Сегодня вечером ко мне пришёл ангел Эссеи. Он поручил мне захватить Меч».

Тайбсир долгое время ничего не говорил, просто глядя на своего младшего брата.

«Если бы это был кто- то другой, кроме тебя, я бы усомнился в этом видении. Это кажется довольно удобным, учитывая, что это то, что ты хотел сделать на протяжении прошлого столетия».

Маккаррег слегка улыбнулся. «Я тебя не виню. Я бы тоже это заподозрил. Но, к счастью, ты меня знаешь ».

«Да, я знаю, что ты никогда бы не сфабриковал получение сообщения от Эссеи», — сказал Тайбсир, кивнув. — Когда ты планируешь уйти?

«Завтра. Мои люди готовы. Эссея знает, что я готовил их к этому дню много лет».

Старший брат снова кивнул. «Указывалось ли в этом послании от Бога, что ты должен идти один – только ты и твои люди?»

Маккаррег тут же нахмурился и покосился на брата.

«Нет», - наконец заявил он. «Нет, не было. Почему вы спрашиваете?»

«В таком случае ты должен взять с собой эльфов из каждого из трех наших соседних городов-государств здесь, на юге».

«Брат, пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь», — сказал солдат, покачав головой. «Ты действительно хочешь, чтобы я взял с собой тех же эльфов, которые пытались лишить тебя твоего законного места в качестве пророка и жреца? Я знаю этих эльфов, Тайбсир. И ты тоже знаешь. Ты знаешь, что им нельзя доверять. в разгар гражданской войны, но они отвернулись от Эссеи так же, как и любой другой город-государство на севере. Их поклонение Богу - это чисто пустые слова. Они не испытывают к нему настоящей любви. Они ничего не предлагают. а холодные, внешние, религиозные практики, да и то — только тогда, когда это необходимо. В остальное время они живут, как считают нужным».

«Я согласен, Маккарег. И именно по этой причине мы не можем просто умыть с них руки. Они по-прежнему наши братья, и нам нужно вернуть их в свои ряды. Единственный способ сделать это — сохранить наши союзы с ними. Если мы отрежем себя, то им будет все равно, что мы им скажем. Мы никогда не окажем никакого положительного влияния».

«Брат, их уже нисколько не заботит то, что мы говорим. Отец провел прошлый век, умоляя их. Умоляя их искренне покаяться, вернуться к любовным отношениям с Эссеей, но наши слова ничего для них не значат».

«Я не могу не согласиться, и именно поэтому мы должны убедить их своими действиями. Мы должны продолжать добиваться их. Маккарег, вы были благословлены. Сегодня вечером вы получили настоящее послание от Бога. И теперь мы иметь возможность пригласить наших братьев, которые заблудились, стать частью этого – стать частью суверенного плана Эссеи. Вы правы – у нас есть полное право и причина исключить их, но… просто подумайте, что это им покажет если мы все равно решим их включить».

Младший брат просто посмотрел на старшего и покачал головой, мысли ясно читались на его лице.

«Кроме того, вам понадобится вся возможная помощь».

«Эссея на моей стороне», — сказал Маккаррег. "Это все, что мне нужно."

«Да, это правда, но не отказывайтесь от средств , которыми он нам помогает. Эссея дал вам соседей, которые могут вам помочь. Я молился об этом несколько месяцев – с тех пор, как Отец заболел. Я знал, что вы придешь ко мне с этим. И хотя я не получил прямого слова от Бога по этому поводу, я все же чувствую, что привлечение солдат из других городов-государств - правильный образ действий».

Маккаррег глубоко вздохнул. «Да будет так. Если это ваше указание, то я подчинюсь. Но, чтобы вы знали, я не планирую сражаться за Меч в лоб. Мы не получим его «по-честному». Ключом будет сюрприз. Я и мои солдаты… мы тихие, как полуночный бриз. Итак, я возьму этих солдат, но я главный. Я решу, как лучше их использовать».

Тайбсир кивнул и улыбнулся. «Брат, у меня не было бы другого пути. Я никогда не скажу тебе, как вести битву. Это твоя область знаний. Просто… пообещай мне одну вещь».

"Что это такое?"

«Сделай все возможное, чтобы вернуться домой».

Маккаррег улыбнулся в ответ.

«Эй, это я. Кроме того, как всегда говорил отец: «Если Эссеа за нас, то кто может быть против нас?»

ooo

Маехт

На север направлялся небольшой караван из пяти всадников. Тиматаал и Аариан – единственные оставшиеся в живых люди Малека – шли впереди, а Баркейн ехал один на пару ярдов позади них. Замыкают шествие – совершенно вне пределов слышимости остальных – Малек и Лидиал, ехавшие бок о бок.

Тем утром чистокровная Эн Сейдхе сообщила им всем, что она нашла в ессейских свитках стихи, указывающие на то, что последнее известное местонахождение Меча Разрушения находилось на крайнем севере Континента – скорее всего, в ныне называемом Драконьи горы.

«И это все? Это все, что там написано? Что это где-то в Драконьих горах?» — спросил Тиматаал. «Конечно, это больше, чем мы знали вчера, но этот горный хребет охватывает весь континент с востока на запад. Мы могли бы провести там дюжину жизней и так и не найти его.

Ты уверен, что нет ничего более конкретного?»

«Пока ничего», — ответил Лидиал. «Но я продолжу поиски».

«Не беспокойтесь об этом», — сказал Баркейн с уверенной улыбкой. «Эссея укажет нам путь. Просите, и вы получите», верно, Нейн?

Затем состоялись короткие дебаты о том, как лучше всего путешествовать, но в конце концов все решили, что верхом будет достаточно. При необходимости они всегда могли передумать позже и отправиться на запад, к побережью, чтобы найти корабль, идущий на север.

«Я знаю, что он твой внук, но почему ты ему помогаешь?» — спросил Малек тихим голосом, пока их лошади медленно шли по тропе.

Лидиал быстро взглянула на крупного мужчину краем глаза, а затем снова посмотрела прямо на дорогу перед ними. Она сразу подумала о невинных жизнях в Дол Блатанне и об угрозе, исходившей от Баркейна. На самом деле она не знала, способен ли он осуществить эту угрозу, но не сомневалась, что он попытается, если она не сможет ему помочь. Это было то, чему она не хотела рисковать.

«Не ваше дело», — заявила она нейтральным тоном.

Малек кивнул. «Справедливо. Я бы тоже себе не доверял».

«И зачем мне это? Ты убил мою внучку».

«Верно, но это был несчастный случай. На самом деле я пытался ее спасти».

«Правда? Тогда сделай мне одолжение – никогда не пытайся меня спасти».

Малек глубоко вздохнул. «Я знаю, что ты расстроен, и ты имеешь на это полное право, но я обещаю тебе – никто не чувствует себя хуже из-за смерти Эванджелины, чем я. Мне придется жить с осознанием того, что я убил ее до конца своих дней. жизнь."

Лидиал снова взглянул на Малека. — И почему ты ему помогаешь? прошептала она.

«Я думаю, ты ошибаешься относительно того, кто кому помогает. Он шпионил в мою пользу, помнишь?»

«Правда… он был … Я слышал, как ты разговаривал с твоими друзьями. Я знаю, что ты… персона нон грата в Империи в эти дни. Так что, дай угадаю, сейчас ты просто хочешь Меч для себя».

«О, ты чертовски прав, что я хочу найти этот Меч. Но не для себя», — сказал Малек, покачав головой. «Не для себя».

ooo

Нильфгаард

Фрингилья сидела одна в своих покоях в роскошном особняке поместья Виго. Она чувствовала себя невероятно меланхолично и не знала почему. Сегодня должен был быть день радости. Ее двоюродный брат Донато был коронован новым правителем империи. На самом деле, чтобы узурпировать трон Эмгыра, не потребовалось много времени, учитывая, что его не видели и не

слышали уже более двух месяцев. Фактически, то, что осталось от нильфгаардской шпионской сети по всему северу, не смогло найти ни его шкуры, ни волоса.

Слухов, конечно, было много. Некоторые говорили, что он героически погиб, напав на дворец Радовида в Третогоре. Другие говорили, что он стал трусом и бежал во время вторжения в Реданию. Некоторые говорили, что его убили странные, никогда ранее не встречавшиеся волшебные существа, буйствовавшие на севере. Некоторые – те, кто лучше всех знал Эмгыра – не поверили ни одной этой болтовне. Этот человек правил Нильфгаардской империей более двух десятилетий и пережил бесчисленное количество переворотов и сражений. Они считали его тараканом – почти неубиваемым. Возможно, сейчас он скрывается в какой-нибудь чужой стране, зализывая свои раны, но они не сомневались, что однажды он вернется в столицу, чтобы вернуть себе трон. Но до тех пор колесо продолжало вращаться. Империя напоминала двадцатитонный валун, катящийся вниз по склону. Оно продолжало бы двигаться вперед, независимо от того, кто утверждал, что он главный.

Колдунья вспомнила события того дня. Коронация не была слишком экстравагантным мероприятием – по крайней мере, в том, что касается коронаций.

«Мы все еще имеем дело со смертью тысяч наших молодых людей на севере. Слишком праздничное событие было бы в данный момент дурным тоном», - сказал Донато двумя неделями ранее. «Корона должна восприниматься как чуткая к бедственному положению нашего простого народа. В конце концов, они — мулы империи».

Таким образом, на сдержанной и сдержанной коронации присутствовали только сотни гостей, а не тысячи, и она длилась всего три дня вместо обычных семи.

Будучи одной из ближайших родственниц только что коронованного императора, могущественной волшебницей и будущей герцогиней Туссен, Фрингилья не имела недостатка в поклонниках и подхалимах. Но, несмотря на то, что последние три дня ее постоянно окружали, она все еще чувствовала себя совершенно одинокой. Она была поражена тем, как такое возможно.

Она поднялась с того места, где лежала на шезлонге, и плотно закуталась в шелковый халат. Она прошла в свою спальню и остановилась перед комодом, на котором стояла большая фарфоровая миска, наполненная чистой водой. Она взяла миску с комода и поставила ее на ближайший столик. Она знала, что то, что она собиралась сделать, было вредно для здоровья, но ее это не волновало. Она осознавала, что была на грани одержимости, но не знала, как остановиться. Колдунья замысловато взмахнула руками и начала произносить заклинание на Старейшем языке. Внезапно в воде появилось изображение. И не только изображение, но и звуки. Она глубоко вдохнула и подсознательно на мгновение задержала дыхание.

После нескольких минут рассматривания и прослушивания изображения она внезапно почувствовала отвращение к себе. Она не была уверена, на кого злилась больше – на него или на себя. По взмаху ее руки изображение исчезло, не оставив ничего, кроме спокойной прозрачной воды в чаше.

Фрингилья медленно подошла к своей кровати и скользнула под одеяло, но сон не приходил. Каждый раз, закрывая глаза, она видела одно и то же – лицо и голос Малека ВандерБоша.

http://tl.rulate.ru/book/100010/3439175